Понаровская Ирина

94.

Сначала она была шатенкой и жила в Ленинграде. Дважды выходила замуж, родила сына. Каждый вчерашний день для нее принадлежит к категории «когда-то». Она постоянно меняется – новый цвет волос, новый имидж, новое увлечение... Но неизменны ее привязанность к Ленинграду (а не к Санкт-Петербургу), ее характер, требовательность к себе и постоянное стремление к тому, чтоб репутация ее всегда была на уровне высочайшей планки. Которую она сама для себя когда-то определила.

Ирина Понаровская:

«Я всегда жила чувствами...»

– Ирина, вы родом из музыкальной семьи?

– Да. И мама, и отец закончили Ленинградскую консерваторию. Мама – пианистка – много лет работала концертмейстером, играла с известнейшими музыкантами, например, с М.Ростроповичем. Отец был художественным руководителем и дирижером популярного джаз-оркестра. Но благодарить за то, что начала петь, я должна бабушку, которой сейчас 94 года. Это она настояла, чтобы родители отвели меня к педагогу по вокалу. Моя семья: мама, бабушка, сын Энтони (ему 9 лет) – живет в Ленинграде. У отца давно уже другая семья. Есть у меня еще старший брат Саша. Он – пианист, живет в Америке, преподает музыку в школе. В прошлом году я была там на гастролях, и мы виделись, а так – перезваниваемся. Он говорит, что доволен жизнью, хотя, конечно, есть свои трудности.

– У вас никогда не возникало желание вернуться к тому цвету волос, который был изначально?

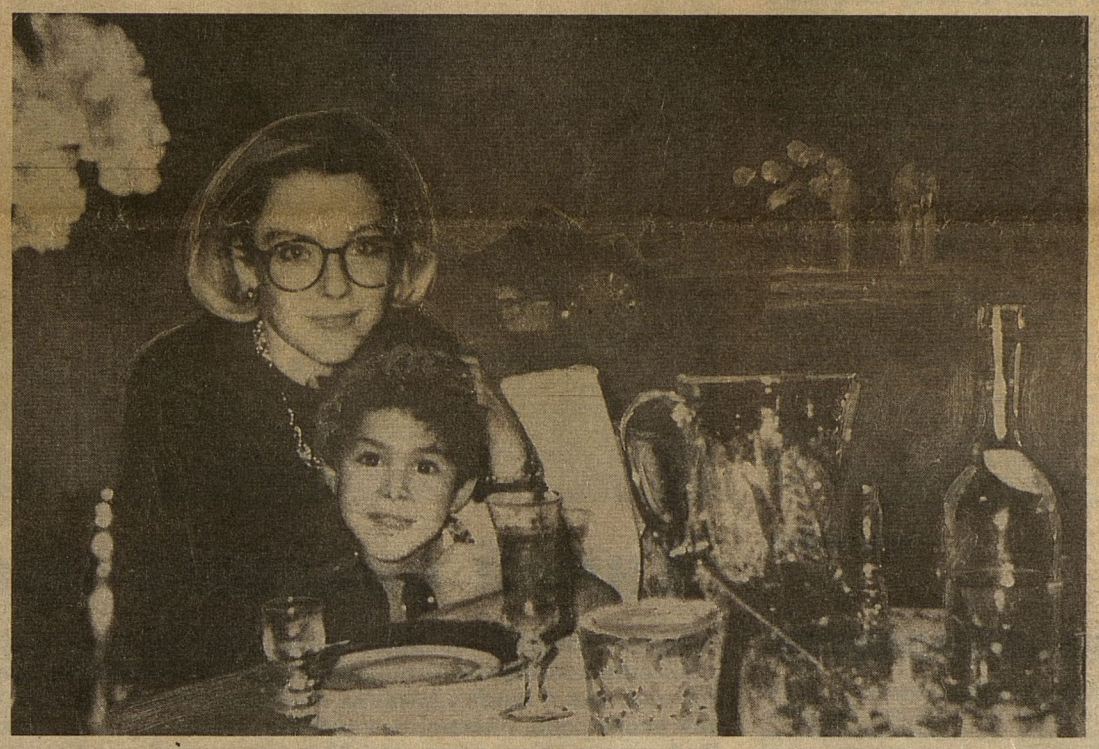
– Боюсь, что это уже невозможно: я ведь совершенно седая!.. Особенно это заметно по корням, когда волосы чуть отрастают. Наверное, у меня это генетическое – бабушка ведь очень рано поседела. Или слишком уж много у меня переживаний: живу, к сожалению, эмоциями. А может, и грешу на себя, ведь секрет седины еще не раскрыт до конца. Я видела абсолютно седых и в 23, и в 30 лет, а в 60 – черных как смоль безо всякой краски!..

– А вы мечтали стать блондинкой?

– Нет. Больше того: утверждала, что никогда не буду красить волосы. И маме своей до сих пор не разрешаю этого делать. Так случилось, что стилист Лева Новиков взял на себя смелость в свое время сделать меня блондинкой, а я пошла у него на поводу. Но вот ведь парадокс: узнавать меня стали именно после того, как я покрасилась. Как будто раньше была такой серенькой мышкой, а новый цвет волос сделал меня более яркой. Сцене ведь все-таки нужна яркость.

– Вы всегда ревностно следуете моде. Это тоже потребность сцены?

– Думаю, здесь дело во мне. Отношения с модой у меня завязались еще с детства. Под ее веянием я все время переделывала свою скромненькую одежду. На новые приобретения денег не хватало – мы жили архискромно... Теперь слежу за направлениями моды постоянно. Одно время я была полной и не позволяла себе носить модные в то время мини-юбки. Мне по душе элегантный стиль: мы как-то тяготеем друг к другу. Моя художница по одежде отмечает, что я могу первой надеть брюки-клеш, когда они только-только входят в моду. И больше их не носить, когда они уже на многих...



– Следование моде у вас в крови. А еще, на мой взгляд, альтруизм: то вы несколько лет опекали Сосо Павлиашвили, теперь – молодую певицу Юлю Началову, которую открыл пару лет назад конкурс «Утренняя звезда»...

– После того, как я получила в молодости гран-при в Сопоте, мне долгие годы никто не помогал... Я не знаю, что дало мне силы выстоять, но приходилось очень туго. Тогда многое решали связи. А теперь – и связи, и деньги. Мне обидно, что талантливая молодежь чаще всего не имеет ни того, ни другого, чтобы пробиться. Вы же знаете знаменитое выражение: «Талантам надо помогать. А бездарности пробьются сами...» Я вот никогда не умела постоять за себя. Зато за другого – горы могу свернуть!.. Мне, например, нравится, как Юля владеет голосом. Ей всего 13 лет, но она уже большой музыкант. Поэтому и убеждаю друзей-бизнесменов, что в этого ребенка имеет смысл вложить деньги.

– Вы думаете, вашу помощь оценят?

– Я не ищу благодарности. Если примут мои советы и помощь – слава Богу. Не пригодится – и Бог со мной. Я уважаю индивидуальность – каждый живет как хочет и как может. Никогда не ломлюсь в закрытую дверь и не пробиваюсь туда, где меня не хотят.

– Вас чему-нибудь научил опыт общения с мужчинами, или по-прежнему влюбляетесь и разочаровываетесь?

– Уж не знаю: к сожалению или к счастью – научил. И дело даже не в отношениях мужчины с женщиной, в любовных или дружеских. В равной степени больно, когда подводят и не оправдывают твоих ожиданий, твоей отдачи. Что касается мужчин, то мой опыт не настолько богат, как это может показаться по сплетням. И все же он научил меня до конца не верить, всегда сомневаться и не открываться самой. Но я научилась и другому: терпеть, быть снисходительной, сдерживать раздражение, уметь прощать...

– А может, искусство мстит вам за то, что не отдаетесь ему с фанатизмом, делите его с личной жизнью?

– Я бы не сказала, что на первом месте у меня личная жизнь, а на втором – искусство, или наоборот. Для меня важно и то и другое. Но у каждого человека свой характер, своя судьба. Я всегда жила чувствами. А вот если б жила умом, по-женски расчетливо, наверное, бо́льшую ставку сделала бы на личную жизнь. Дабы в старости не оказаться забытой артисткой: в одиночестве и печали. Спряталась бы за спину надежного человека с достатком, вопреки всему хранила бы семью, все терпела и прощала – обиды, несправедливость, измены... Но я живу так, как предписано мне свыше. Не в споре между личной жизнью и творчеством. Стараюсь сохранять какой-то внутренний баланс. Конечно, препятствий на моем пути уйма, но никогда ради достижения цели не соглашусь на насилие над собственной личностью...

– Вы считаете себя неудачницей?

– Ни в коем случае. И поэтому мне не стыдно за то, что сделала и делаю. Для меня всегда было важно, как я выгляжу со стороны и насколько это соответствует моей личности.

– Вы недавно сказали, что наступило ваше время...

– Да, меня наконец-то признали. Скажем, если десять лет назад пятьдесят человек из ста могли не знать, кто такая Ирина Понаровская, то сегодня, думаю, девяносто из ста знают. Мне кажется, сегодня мое время по эстетике и по тем ценностям, которые дороги и мне. И чем ярче, элегантнее я выгляжу, чем эффектнее и краше песню пою, тем лучше реакция публики. А раньше было наоборот: чем проще одевалась и доступнее была, тем доброжелательнее меня принимали.

– Мыслите ли вы свою жизнь без секса?

– Я не люблю дискуссий на эту тему. Для меня это слишком интимно. Хотя сексуальность на сцене очень важна. Но выражается она не в прозрачной блузке и не в чрезмерно короткой и обтягивающей юбке. Сексуальной можно выглядеть и совсем скромно, деликатно одетой. Может, я не слишком современная женщина... Но вспомните: в восемнадцатом веке мужчине достаточно было увидеть щиколотку женщины из-под кринолина... Тогда же делали предметом обожания платок, утерянный дамой. Вот такие чувства имеют для меня невероятную прелесть.

– Сегодня вы стройны до неузнаваемости. Это плод серьезного воздействия диеты или дело рук мастеров пластической хирургии?

– Ни то и ни другое. Я привела себя в порядок с помощью лечебного голодания. Не люблю диет, а голодание считаю более здоровым методом.

– А от чего из еды не можете отказаться?

– От кофе. Вообще у меня бывают периоды, когда я могу отказаться от всего, но бывают – и наоборот.

– Вы верите в колдовство, в сглаз или порчу?

– В сглаз верю. Хотя как тут докажешь? Недавно я слышала интересную вещь о ревности. Представляете: собственническое отношение к другому человеку разрушает того, кого ты считаешь своей собственностью. Ужас! Это что же получается: если меня, предположим, кто-то сильно ревнует, он разрушает прежде всего меня, и я от этого болею. Один человек не отпускает другого, создает вокруг него нездоровую оболочку и этот второй начинает чахнуть...

– Вас что-нибудь в себе пугает?

– Да, некоторая усталость от жизни. Лет вроде бы еще немного, а усталость накопилась. Появилась какая-то инертность, непонимание, что ждет впереди... Пугает то, что приходится жить сегодняшним днем. А я люблю строить планы и думать о будущем.

– Вы любите животных?

– Да, очень, особенно собак. Любое животное мне кажется маленьким и незащищенным, даже если это слон или зубр... Потому что оно не может подчинить человека, а человек может.

– Ира, почему вы никогда не ходите на банкеты? Не любите напиваться на людях?..

– Да я вообще никогда не напиваюсь. Не люблю, когда стыдно за себя! А на банкеты я практически не хожу, потому что мне там неинтересно. Если имеются в виду тусовочные банкеты. Если же застолье друзей, то с удовольствием общаюсь и произношу тосты. Но люблю застолье только с очень приятными лично мне людьми.

– Вас, наверное, добиваются сильные мира сего?

– Раньше подобное было, хотя (как потом оказалось) не такими уж они оказывались и сильными... Просто есть такое слово «нет». Конечно, за моим «нет» потом следовало и «нет» в творчестве, на ТВ и так далее. Но меня это никогда не пугало. Для меня важнее и, естественно, приятнее, когда мной увлечен человек, который и для меня что-то значит.

– У вас никогда не было ощущения, что вы придумываете сказку о принце и влюбляетесь в него?

– Нет. Состояние любви – это одно. А состояние влюбленности – совершенно другое. Влюбляться можно миллион раз! Показывали, помню, церемонию вручения «Оскара». И когда на сцену вышел Пол Ньюмен, я испытала сумасшедшее состояние влюбленности в него, как полет: вот это мужчина! А любовь – это очень тяжелое состояние. И лично я не могу сказать: боже, какое счастье, я люблю! Да, конечно, ты счастлива, переполнена чувством. Но ведь сколько вокруг этого сопутствующего, с чем так трудно справиться. Та же ревность. Счастливы те, кто справляется. Я, увы, не в их числе!

Беседу вела
Алла ПЕРЕВАЛОВА

143